

Лина Аверкина
РЫБА ЗНАЕТ, КУДА ПЛЫТЬ

Яна
Отец
Бабка Эряна
Мужчина-гусь
Девочка-акула
Другая женщина
Девочки-пловчихи

Вода. Подвижная, тревожная, бурная. Мы на глубине. Кажется, что вода бесконечна. В воде плывёт юркая ЯНА, как только она сбивается с центра к правому краю, мы замечаем её отражение справа. Вода не бесконечна. Это не открытое море. Это бассейн.

Яна выныривает. Вода беснуется и разбивается в брызги, ударяясь о бортики-причалы.

На одном таком причале сидит БАБКА ЭРЯНА и внимательно вглядывается в воду. Её большое дряхлое тело ласково огибается волосами. Её волосы устремляются на дно бассейна.

Яна приближается к бабке Эряне, и та подхватывает её на руки, кружит вокруг себя, а потом заплывает обратно в воду. Яна счастливо хохочет и бойкой рыбёшкой заныряет на глубину.

ЯНА. Я ничего не знала о бабушке до этого дня, я не догадывалась о том, кто она такая. Как и не знала я того, что мой отец решится от меня избавиться. Оказывается, так бывает. Взрослым ты нравишься, пока маленькая. Они перестают тебя любить, как только ты становишься слишком похожа на тех, кого они разлюбили ещё раньше, чем полюбили тебя.

Разновозрастные девочки с распущенными длинными гребнями волос плывут за Яной на манер рыбьей стайки, шевеля перепончатыми руками и ногами. Они впадают в большую воду через водопад — падают с отвесной скалы одна за другой и оказываются в бурлящем водовороте. Водоворот проглатывает их по очереди и знай себе закручивается вокруг своей оси.

Яну из водоворота вынимает ОТЕЦ. Остальные уплывают, одна бабка Эряна смотрит, как отец уводит её вничку. Её лицо яростно, полно сопротивления.

ЯНА. Я даже не знала, что она у меня есть. Бабушка. Баб ушка. Ушка баб. Шукба ба. Знакомые буквы без всякого смысла. Я никогда не пускала их по ветру.

Волны уходят. Отец усаживает Яну за стол.

ОТЕЦ. Завтра мы пойдем к бабушке.

ЯНА. К какой такой бабушке?

ОТЕЦ. К твоей бабушке.

ЯНА. А почему завтра?!

ОТЕЦ. Пришло время. Я должен отвести тебя к ней.

ЯНА (*сердито*). А почему время не пришло в другой день?! У меня соревнование завтра! А сначала тренировка! Мне надо плавать, нырять! Мне надо готовиться! Разминаться! Ты забыл?

ОТЕЦ. Не забыл. Но мы идем к бабушке. Бассейн никуда не уплывёт.

ЯНЯ. А куда уплывёт эта бабка?! Я не хочу к ней идти, пусть сама ко мне приходит!

Отец оборачивается в поиске поддержки, и из темноты выступает ДРУГАЯ ЖЕНЩИНА с младенцем на руках.

ДРУГАЯ ЖЕНЩИНА (*ласково*). Януля, мы пойдем все вместе. Твоя мама бы очень хотела, чтобы ты пошла повидаться с бабушкой.

ЯНА (*со злостью*). Откуда знаешь? А чего ещё она хотела? (*нараспев, дразнится*) Хотела, чтобы ты спала в ее ночнушке? Пила из ее кружки? Хотела, чтобы ты украла у нее рецепт ватрушки?

ДРУГАЯ ЖЕНЩИНА (*отцу*). Я свожу её рано утром в бассейн. А потом вы пойдёте по своему делу.

ЯНА. И где она живёт?

ОТЕЦ. Мы пойдём к реке.

ЯНА. Так далеко я не пойду! К реке! К реке! (*вдруг словно что-то понимает*) К реке?...

Яна в отчаянии убегает. Другая женщина отдаёт младенца отцу и уходит вслед за Яной. Отец стоит с младенцем на руках. Набегают волны. Приносят ванночку для купания. Отец купает младенца, пока из ванночки не выныривает бабка Эряна.

БАБКА ЭРЯНА. Ей тут не место, отдай её мне!

Бабка Эряна тянет руки к младенцу, но отец вынимает его из воды.

ОТЕЦ. Она моя дочь!

БАБКА ЭРЯНА. До первой крови! Настанет день, когда она перевернётся... И ты её не удержишь!

Отец опрокидывает ванну на бок, выдёргивает затычку из слива, и бабку Эряну уносит в сток. Ванная пустеет. Отец баюкает младенца и перекладывает в кровать.

ЯНА. Отец-одиночка. Ночка, один отец. Дак чо ци не. Мне не надо было говорить гадостей его жене, ведь он не стал заводить жену, пока я ему не разрешила. Я в семье за главную. Я за мою маму. Я никогда её не видела. И не видела её мать. Так говорил мне мой отец, раньше он много чего мне говорил.

Отец ведёт МАЛЕНЬКУЮ Яну в свою мастерскую — они вместе стоят возле макета самолёта.

ЯНА. Всю жизнь я прожила в крошечном городе, он вырос на холмистом островке посреди бурлящей реки. Но к воде никто не ходит, дорога поросла бурьяном и лопухом. Наш город зовут Якстерь острожек и знаменит он тем, что у нас чрезвычайно развито судоходство или, как говорит папа, авиапромышленность. Он инженер, он знает умные слова, а я помогаю ему строить суда, которые никогда не коснутся земли. Они будут рассекать гладь неба, а не речных волн, и на их пути встретятся лишь птицы и грозовые облака, но никак не рыбы и речная нечисть. Так тоже говорил отец.

МАЛЕНЬКАЯ ЯНА. Отец, а почему бы не поплавать в речке? Я не хочу идти в бассейн. Там воняет хлоркой и вода кусает за глаза!

ОТЕЦ. Река опасна, быстроводна и хитра. Внутри таится страшная речная нечисть, которая то ли живёт в воде настолько долго, что стала её частью; то ли породила саму воду, чтоб было проще дотянуться до человека и уничтожить его.

МАЛЕНЬКАЯ ЯНА. Даже меня?

ОТЕЦ. Особенно тебя! Она охотится на малышей, маленьких младенчиков. Утаскивает в воду и больше их никогда не встречают.

ЯНА. Отец знал всё на свете и всё, что знал, он мне рассказывал. Про нечисть рассказал подробно — блестящая рыбья кожа, такую легко спутать с бликами в воде; человеческо-гусиное туловище — как если б женщина решила стать гусыней, но передумала, когда уже лишилась рук; две пары глаз — на лице, а ещё на животе, чтоб видеть всех, кого глотаешь. Сама я никогда её не видела. Отец мне говорил, что нечисть не появлялась на острове уже давно, но все здесь помнят её козни, скорбят по украденным младенцам и поэтому ни в коем случае нельзя спрашивать горожан о том, что может быть в реке.

ОТЕЦ. Обещаешь, что ни за что не пойдёшь туда купаться?

МАЛЕНЬКАЯ ЯНА. Обещаю.

ЯНА. Он говорил мне никогда не спускаться к реке, а теперь отведёт меня к реке сам? Он говорил, что в реке живёт то, что забирает детей навсегда, а теперь к реке отправлюсь я?

Ночь. Яна лежит в своей кровати. Одеяло шевелится, словно морские волны. Яна встаёт и крадучись бежит по лабиринту квартиры, срывает со стены большую фотографию двух женщин и закрывается в уборной. Забирается на унитаз с ногами, разглядывает фотографию двух женщин с волосами такими же длинными, как у Яны. Женщина помоложе обнимает свой беременный живот.

Яна ныряет в унитаз вместе с фотографией. В воде фотография размокает и распадается на гусиные перья.

ДРУГАЯ ЖЕНЩИНА (*стучит в дверь*). Яна, выходи! Нам пора!

ЯНА. Отец говорил, что нечисть может выслеживать человека, подсматривая за ним через наполненные водой сосуды, и подчинять его своей воле, давая ему в руки один лишь свой волос.

Яна на дне унитаза открывает глаза и они кажутся огромными. Моргают один раз. Моргают второй раз. Моргают третий раз.

ЯНА. Отец спрятал от меня большой секрет. Мою бабу. А вот у меня от него секретов не было, кроме одного. Тсс... Я умею видеть через воду.

Янины глаза открываются в аквариуме — это спальня отца и другой женщины.

ДРУГАЯ ЖЕНЩИНА. Может быть, не надо её туда вести?

ОТЕЦ. Надо. Время пришло. Если мы не попрощаемся с ней сейчас, потом уже будет поздно. Понимаешь?

Другая женщина качает головой — нет, она не понимает.

ОТЕЦ. Тебе не нужно волноваться. Тревога перейдёт к малышу, начнутся колики.

ЯНА. У него вечно колики. Слёзы. Сопли. Отец говорил, что он вырастет и станет моим другом. Но разве друзьям меняют вонючие подгузники?

Янины глаза в аквариуме закрываются.

Яна выныривает из унитаза.

ЯНА. Отец не знает, но чувствует, что у меня есть секрет. Так и я знала, что как только я позволю отцу завести новую семью, старую он забудет.

Яна отпускает гусиные перья по ветру и они множатся, множатся, множатся. Скрывают Яну.

ЯНА. Сначала он забыл мою маму.

Другая женщина заходит в дом с младенцем, отец счастливо берёт его на руки, укачивая.

Рядом стоит угрюмая Яна, отец хочет передать ей братика, но она выпячивает вперёд обе руки, отвергая его.

ОТЕЦ. Яна, он твоя кровь.

ЯНА. Он твоя кровь.

Отец смотрит на другую женщину с грустью. Та растерянно пожимает плечами.

ЯНА. Теперь он забывает меня.

Яна стоит одна, а за её спиной шелестят волны. В волнах Яне мерещится тень бабки Эряны.

ЯНА. Он отведёт меня к бабке, которую я не видела ни разу в жизни. И оставит там. Так он станет новым отцом для новой семьи. Я чувую, как бабка следит за мной; я чувую, как она подбирается всё ближе; я чувую, как она обставила меня и теперь мне от неё не скрыться. Она заберёт меня.

Яна с разбега заныряет в волны — туда, где была тень бабки Эряны. Но там никого нет. Яна выныривает и вылезает на бортик бассейна. Мимо неё проносятся ДЕВОЧКИ-ПЛОВЧИХИ в переливающихся купальниках и задорно прыгают в воду. Яна следует за ними без энтузиазма, не глядя на трибуны, где скользит точно такая же тень бабки Эряны, какая была в воде.

Слышится далёкое раскатистое гакание гусей.

ЯНА. Мне никак не спастись от этой страшной бабки. Наверняка она отобрала у меня маму. Теперь она отберёт отца. Отберёт бассейн!

Яна один за другим выполняет акробатические трюки в воде. Её движения кажутся чёткими, но рваными — заметно, что она очень старается, но ей что-то мешает.

Движения Яны на суше [на кафельном полу] выполняет тренерша. Она чуть опережает Яну — раньше неё подпрыгивает в воздухе, делает кувырок и плавно опускается на пол. Яна выпрыгивает позже, плюхается об воду грудью, но делает вид, что ей не больно.

ТРЕНЕРША. Ты так себе пловчиха. Бывают намного лучше.

ЯНА. Я так себе пловчиха. Бывают намного лучше.

ТРЕНЕРША. У тебя был потенциал, но теперь ты израстаешься. Ноги, руки — всё вытягивается. Становится слишком большим. У тебя в роду были великаны?

ЯНА. У меня в роду были великаны?!

От места удара по купальнику растекаются пульсирующие красные волны, они стремятся вниз живота, опоясывают поясницу, скручиваются тугим узлом. Со дна тянутся старушечьи руки, они растекаются десятками, а потом и сотнями рук — руками становятся её волосы.

ТРЕНЕРША. Надо знать свою наследственность! По тебе сразу видно, что ты не пловчиха.

ЯНА. Я не пловчиха... А кто же я?

ТРЕНЕРША. Спроси у тех, кто тебя рожал!

ЯНА. Та, кто меня рожала, умерла сразу же после того, как меня родила. Может, её убила не бабка, а... я? И отец не хочет, чтобы я убила его новую семью?

Яна пытается плыть, но её движения замедляют маленькие иголочки, вырастающие из её купальника — сначала одна, потом вторая, третья, десяток, целая куча иголок. Их становится больше с каждым движением Яны — они похожи на мех/на траву/на волосы. Яна становится похожа на морского ежа, но продолжает плыть вперёд, рассекая воду сильными движениями рук и ног. Её руки и ноги удлиняются, стремительно растут.

ЯНА. Неужели я стану бабкой? Превращусь в неё? Я уже превращаюсь?

ТРЕНЕРША. Мы все становимся бабками. Ничего плохого в этом нет.

ЯНА. Вы просто не знаете мою бабку!

ТРЕНЕРША. Какая же она?

Над Яной проплывает широкая тень, похожая на акулу. Неужели бабка? Яна пристально за ней следит.

ЯНА. Совсем скоро я узнаю...

Тень акулы выскакивает из воды в идеальном пируэте — это девочка постарше. Её тело ровное и гладкое, она похожа на пулю. Выныривает и стремительно вращает кувырки.

ТРЕНЕРША. Посмотри, как надо! Что за рыбка! Если перестанешь расти, поставлю вас в пару. Хочешь стать такой, как она?

Девчонки-пловчихи продолжают танец, плывут друг за другом стайкой, напоминающей созвездие; они задевают Яну руками и ногами, она никак не может выпутаться из их толпы, пытается отбиваться.

ЯНА. Конечно, хочу... Я зову её девочка-акула. Я видела в воде её зубы. Я видела, как хорошо она плывёт. Мне надо стать такой, как она, мне никак нельзя становиться своей бабкой!

Яне чудится гул, она оборачивается в темноту дна, и дно вибрирует, манит Яну к себе. Ей мерещится тугой водоворот, над которым плавают гуси — по кругу, по кругу — так, что смотреть на них становится невыносимо, кружится голова.

С носа Яны слетает зажим, она вдыхает воду. Вода заполняет всё тело Яны. Она фланирует в воде, будучи водой, заключённой в белый купальник и шапочку. В з д о х .

ЯНА. Вот только ничего не получалось. Этим утром бабка протянула свои ручищи очень-очень близко, она вцепилась в меня, и никакая вода ей не мешала. Неужели она и правда великанша? Неужели она проглотит меня и станет ещё больше? Или это я должна проглотить её?

Яна сидит в раздевалке на лавочке, она всё ещё покрыта иголками. Руки и ноги у неё очень длинные, безвольно лежат на полу. Девочка-акула выглядывает за дверь — девочки-пловчихи разминаются под строгим надзором тренериши — и плотно закрывает её.

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Да что с тобой такое?!

ЯНА. Я никакая не пловчиха. И за мной охотится бабка.

Девочка-акула раскрывает пасть, полную зубов, и цепляет зубами одну из иголок у Яны на купальнике, тянет.

Иголка кажется бесконечной, как волос. Девочка-акула всё тянет и тянет — она вся уже укутана в этот волос-иглоку, как в пряжу. Наконец вытягивает волос целиком и перевязывает им ручку двери, чтобы не открылась.

ЯНА. Девочка-акула оказалась ещё лучше, чем я представляла. Она не испугалась того, что превращаюсь в бабку. И даже того, что за мной охотится та самая бабка, в которую я превращаюсь. Она сказала, что я могу быть кем угодно, если буду плавать с ней в паре и если мы сегодня победим.

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Ты можешь быть кем угодно, если будешь плавать со мной в паре и если мы сегодня победим.

ЯНА. Она тоже слишком длинная, ни одна ровесница до неё не доросла. Зато доросла я. Или бабка внутри меня.

На белом купальнике Яны возле пупка открываются две щёлки, похожие на глаза, и приходят в движение на манер водоворота.

ДЕВОЧКА-АКУЛА. А у тебя уже было?

ЯНА. Что было?

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Ну. То самое. Кровь.

ЯНА. Конечно. Разок я порезалась, и отец...

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Нет-нет-нет. Отцы тут не помощники. Тебе надо к маме. Моя мне всё рассказала, и я перестала бояться. Живот не болит? Давай сходим в медпункт?

ЯНА. Болит. Нельзя. Мне надо скрыться от бабки.

ДЕВОЧКА-АКУЛА. На соревновании никакая бабка тебя не найдёт. Давай, пойдём. Мне надо переодеться.

Девочка-акула тащит Яну на цокольный этаж здания бассейна, где расположена маленькая прачечная. Там кто-то есть.

Крутится барабан сушильной машинки. Мокрые одинаковые купальники внутри то липнут друг к другу, то снова разлетаются под сильными порывами горячего воздуха. Крутятся всё быстрее и быстрее, и быстрее. Что-то не так. Машинка сломана.

Мы в прачечной, вокруг десятки таких машинок, они стоят плотными рядами в несколько этажей — от пола до потолка.

К сломанной сушилке подбегает милостивый кругленький мужчина, похожий на коричневого гуся, — это МУЖЧИНА-ГУСЬ. За ним несётся высокая холёная женщина, замотанная в белое полотенце, — это повзрослевшая девочка-акула. ЖЕНЩИНА-АКУЛА.

ЖЕНЩИНА-АКУЛА. Хватит уже! Высохли, наверное.

Мужчина-гусь осторожно поддакивает.

Женщина-акула пытается открыть дверцу машинки, но ничего не получается.

ДЕВОЧКА-АКУЛА (*шепчет Яне*). Сейчас-сейчас.

И пытается пробраться к сушилке незамеченной. Ей приходится залезть в одну из пустых стиральных машинок. Яну она заталкивает в соседнюю.

Женщина-акула задумчиво проходит вдоль рабочих машинок, упирает руки в боки и идёт обратно. Достает из кармана жвачку, завернутую в фольгу, — жвачку отправляет в рот, а фольгу выкидывает на пол. Находит длинный удлинитель секций на сорок, выдёргивает его из сети питания. Машинки продолжают работать. Тогда женщина-акула вскрывает щиток на стене и выключает рубильник. Гаснет свет. Машинки останавливаются. Женщина-акула идёт к сушилке и снова пытается её открыть — не выходит. Мужчина-гусь подбирает с пола фольгу от жвачки и задумчиво съедает.

ЖЕНЩИНА-АКУЛА. Что за сервис такой? Не помните, здесь был кассир?

Мужчина-гусь смущённо смотрит, как женщина-акула поправляет на себе полотенце.

МУЖЧИНА-ГУСЬ. Не помню, если честно. В прачечных бывают кассиры?

ЖЕНЩИНА-АКУЛА. Кассиры есть везде, где надо платить деньги!

МУЖЧИНА-ГУСЬ. Простите, я как-то не обращаю внимания. Я вещи пришёл стирать, а не кассиров разглядывать.

ЖЕНЩИНА-АКУЛА. Стойте, вы в мою сушилку запустили?!

МУЖЧИНА-ГУСЬ. Так сушилка одна!

ЖЕНЩИНА-АКУЛА. У меня же там купальники!!

МУЖЧИНА-ГУСЬ. У меня тоже...

ЖЕНЩИНА-АКУЛА. Купальники?!

МУЖЧИНА-ГУСЬ. Не совсем. Плащ. Спальный мешок. Носок. И платок сморкательный!

ЖЕНЩИНА-АКУЛА. Какой платок! Там купальники! Купаль-ни-ки. Для выступлений! С ними нельзя стирать никакие платки!

Она со всей силы пинает дверь с надписью «служебная дверь, не пинать». С полки рядом с дверью на пол падают теннисные ракетки. Женщина-акула поднимает одну, вторую кидает мужчине-гусю. Он неловко ловит, обороняясь.

МУЖЧИНА-ГУСЬ. Если с вашими купальниками нельзя стирать платки, не стирайте купальники в общественной прачечной! Здесь очень даже можно стирать платки. И носки тоже.

Женщина-акула заглядывает в одну из машинок, достаёт оттуда керамические горшочки для духовки, отбивает все три подряд мужчине-гусю, и он начинает очень даже ловко отбивать в ответ.

Девочка-акула тем временем пробирается к сушилке.

ЖЕНЩИНА-АКУЛА. Мне ваши носки по боку, мне бы купальники достать.

МУЖЧИНА-ГУСЬ. Мы никак не достанем, если только вы не прачечница.

ЖЕНЩИНА-АКУЛА. Так если б я была прачечницей, я бы не стирала свои купальники с вашими носками!

Девочка-акула уже возле сушилки. Девочка-акула открывает дверцу сушилки, заныривает туда и достаёт купальник — он точь-в-точь такой, как на ней, только не для бассейна, а прогулочный. На бегу она натягивает его на себя. Потом возвращается обратно и хватает из сушилки длинный плащ, укутывает в него Яну и тащит к выходу.

МУЖЧИНА-ГУСЬ. У меня там нет носков.

ЖЕНЩИНА-АКУЛА. Вы же сами сказали, что у вас там носки.

МУЖЧИНА-ГУСЬ. Я сказал, что там один носок. Про один носок не скажешь «носки».

ЖЕНЩИНА-АКУЛА. А сколько надо купальников, чтобы сказать «купальники»?

МУЖЧИНА-ГУСЬ. Не меньше шести.

ЖЕНЩИНА-АКУЛА. А я о чём. Моя проблема явно поважнее вашей.

Она бросает ракетку, и все горшочки, летевшие в её сторону, разбиваются об стеклянные иллюминаторы машинок. В шуме девочка-акула вытаскивает на плечах Яну.

В последний момент, когда девочка-акула вытаскивает Яну на своих плечах из прачечной, мужчина-гусь оборачивается, довольно кивает девчонкам и машет им рукой.

Девочка-акула и Яна оказываются снова в помещении бассейна.

ЯНА. Ты видела? Ты гуся видела?

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Как-то времени не хватило осмотреться!

ЯНА. Он был там, говорил с твоей мамой! И я слышала гусей, когда видела бабку... Они как-то связаны.... Только я не пойму как...

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Если твоя бабка ворует детей...ну если верить тому, что она ведёт охоту за тобой, то она вполне может знать гусей, ведь всем известно, что главные воры детей — это гуси!

ЯНА. Разве детей ворует не речная нечисть?

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Вопрос терминологии. Как ни называй, это не наше дело.

ЯНА. Может быть, наше. Мне кажется, эта моя бабка одна из них...

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Ещё чего расскажешь! Так почему же ты не гусыня?!

ЯНА. С чего ты взяла, что я не гусыня?

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Перьев нет. Перепонок нет. Плаваешь так себе. Шерсть...эта твоя шерсть ещё ничего не значит. Давай, быстрее. Разминаться сможешь?

Яна плотнее кутается в плащ, а девочка-акула ведёт её к воде, огибая стайку девочек-пловчих. Девочки-пловчихи синхронно разминаются.

ЯНА. Ты хочешь сказать, что бабка и гуси может работать заодно?

Девочка-акула начинает разминаться.

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Само собой. Давай! А то будешь деревянная.

ЯНА. Как я плащ сниму-то! И как я плавать буду! Мне надо бежать отсюда как можно быстрее, потому что гусь здесь, и он дал мне понять, что он здесь. И теперь я знаю, что он здесь, и он знает, что я знаю, что он здесь!

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Ты говоришь, он с моей мамой там болтал?

ЯНА. С ней.

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Тогда забудь! Она его до смерти заговорит. Он не только о тебе забудет, он забудет, кто он такой и как его зовут! У них ведь имена бывают?

ЯНА. Ну уж нет! Если я останусь, гусь найдёт меня в любую минуту. А даже если не найдёт, после соревнования отец сам отведёт меня к бабке! А даже если бы ничего такого не происходило, я всё равно бы плавать не смогла! У меня шерсть. Повсюду!

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Вот это проблема. Но слушай! На голове же у нас тоже волосы!

Первая партия девочек-пловчих начинает выступление.

ЯНА. И что с того?

ДЕВОЧКА-АКУЛА. А то! Они же не мешают плавать. Мы тебя всю зажелатиним, и всё будет нормально. Отвыстаем — и беги куда хочешь.

Девочка-акула отбирает огромную банку желатина у второй стайки девочек-пловчих, которые готовятся к выходу и промазывают свои причёски. Забирает плащ Яны и начинает Яну желатинить.

ЯНА. Это плохая идея! Мне надо бежать! Мне надо хотя бы на время укрыться. Или проследить за гусём!

ДЕВОЧКА-АКУЛА. У нас нет времени! Один номер — полторы минуты. Максимум, минута семьдесят пять. Семь номеров — это... Семьсот тридцать пять секунд. А это, в свою очередь... Двенадцать часов?! Стой, что-то не то.

Выступающая стайка пловчих начинает складываться в фигуру тени бабки Эряны.

ЯНА. Нет-нет-нет! Тут нельзя оставаться!

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Не может получиться двенадцать часов, я, видимо, что-то не так перевела.

Нажелатиненная Яна вырывается из рук девочки-акулы и принимается ползти к выходу. Девочка-акула наклоняется к ней и принимается ползти рядом.

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Ну и что ты делаешь?

ЯНА. Ползу.

ДЕВОЧКА-АКУЛА. И куда ты ползёшь?!

ЯНА. Куда надо.

ДЕВОЧКА-АКУЛА. И куда же тебе надо, если нам с тобой надо оставаться здесь и ждать своего выступления, если мы хотим победить?

ЯНА. Надо в прачечную. для начала. Узнать у гуся всё, что он знает. А потом уже думать.

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Ну уж нет! Там моя мать. Она меня внутрь загонит, и дальше ты поползёшь одна.

ЯНА. Одна...

Она доползает до бассейна и вглядывается в воду, словно внутри могут быть ответы. Но там только тень бабки Эряны.

ЯНА. Одна. Я должна нырнуть одна!

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Давай, вперёд. Выступай одна! Забери себе всю славу. Никогда бы не подумала, что ты такая индивидуалистка!

Яна ныряет в бассейн, плывёт за тенью бабки Эряны. Стайка выступающих девочек-пловчих вынуждена расступиться, а тень продолжает своё движение вперёд.

Вода в бассейне размякает, становясь желатиновой массой. Яна плывёт, с усилием продираясь через густоту. Отталкивается от домов, покрытых желатином, проплывает мимо тусклого желатинового солнца. Натыкается на край желатинового мира — это как бы потолок. Трёт потолок руками, смотрит в него, как можно было бы посмотреть из-под льда на поверхность замерзшего озера. Пытается разглядеть.

ДЕВОЧКА-АКУЛА (кричит на берегу). Она сама прыгнула! Никуда я её не толкала!

Стайки девочек-пловчих под предводительством тренерши бросаются к бассейну.

Яна смотрит со дна ванной. В ванной купается бабка Эряна. Она намыливает голову, а потом замечает Яну и заныривает в воду, как рыба. Подплывает ко дну ванной, смотрит на Яну в упор. Яна прячет свои огромные руки и ноги, сворачивается в клубок.

БАБКА ЭРЯНА. Плыви, рыбка, ты знаешь, куда плыть.

Бабка Эряна запускает руки на глубину и пытается достать Яну, но вдруг за Яну хватаются руки, много рук, руки тащат её обратно наружу. Им тяжело, ничего не выходит.

ТРЕНЕРША. Давайте, тяните!

И тут к Яне подплывает мужчина-гусь, подхватывает её и быстренько гребёт на поверхность.

МУЖЧИНА-ГУСЬ. Зачем же так бестактно портить чужое выступление?!

ЯНА. Это вы?!

МУЖЧИНА-ГУСЬ. А вот и мой плащик! Зачем стащили!

Он забирает свой длинный плащ у девочки-акулы.

МУЖЧИНА-ГУСЬ. А мой второй носок тоже вы забрали?

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Мы носки не носим, мы ходим босиком! (*обращаясь к Яне*) Это тот гусь? За ним ты кувыркнулась и чуть не испортила нам всё соревнование?! Ты вообще в курсе, что нас могли дисквалифицировать!

ТРЕНЕРША (*подходит, чтобы осмотреть Яну, щупает ей лоб*). И всё ещё могут! Решение пока не принято. Какая-то ты горячая. После соревнований скажи отцу, чтобы померил температуру! (*принюхивается*) И пахнешь ты какой-то рыбой! И вся эта шерсть... Как быстро вырастают детки...

Тренерша уходит.

ЯНА (*яростным шёпотом*). Это тот самый гусь.

МУЖЧИНА-ГУСЬ. Самый что ни на есть настоящий.

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Ты из тех гусей, которые воруют детей?

МУЖЧИНА-ГУСЬ. Какая нелепость. Не знаю, кто так хочет очернить наши имена, но мы никакого отношения к торговле детьми не имеем. И точка. Если мы способны предзнаменовать потерю ребёнка, это ещё не значит, что мы своими же крылышками...

ЯНА. Как это — предзнаменовать?

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Значит предсказать. Они в сговоре, всё ясно.

МУЖЧИНА-ГУСЬ. Я снова повторю, что мы совершенно порядочные существа, и мы никогда бы не пошли на такое!

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Тогда откуда вам известно, что пропадёт ребёнок? Как вы понимаете, над какой крышей закручивать свой водоворот?

МУЖЧИНА-ГУСЬ. Предчувствие.

ЯНА. Предчувствие. Пред чувтсви е. Ечувствипред. Чувствопредие...

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Никакого от вас толку!

Яна смотрит за выступлением второй стайки девочек-пловчих. Они разыгрывают сценку — сгущаются тучи. Выходят отец и другая женщина, на руках у неё младенец.

ЯНА. У меня было такое чувствопредие. Когда отец впервые не пришёл за мной на тренировку. Вместо него пришла другая женщина со своим ребёнком — моим братишкой, они хотят, чтобы я звала его так.

Яна подплывает к краю дороги, по которой шли отец и другая женщина с младенцем. Отца теперь нет. Другая женщина опускается перед Яной на корточки.

ЯНА. А где отец?

ДРУГАЯ ЖЕНЩИНА. Он занят, дорогая. Но я подумала, может мы проведём время вместе?

ЯНА. А ты плавать-то умеешь?

ДРУГАЯ ЖЕНЩИНА. Нет. Но твой папа говорил, ты любишь рыбный пирог. Хочешь, его купим? Ты знаешь, где он продаётся?

ЯНА. Нигде.

ДРУГАЯ ЖЕНЩИНА. Мы попробуем испечь сами, хочешь?

Яна садится в воде и от неё ног расходятся брызги, ребёнок начинает хныкать, как только вода попадает на него. Яна брезгливо смотрит, как его лицо сморщивается от слёз.

ЯНА. Я не хотела. Но она испекла. И её ребёнок — мой братишка — всё время плакал. Наверное, ему было противно, что так сильно воняло рыбой. А я хотела, чтоб он плакал. И когда пирог был готов, другая женщина поднесла своего ребёнка — моего братишку — совсем близко к нему, чтобы он увидел своё отражение в рыбном желе. И он заревел ещё сильнее, и вытащил свою ручку из кулька, и изо всей силы ударил пирог. И тогда пришёл отец. И мне стало так смешно, очень смешно. Так смешно, что тут же захотелось писать. И я ударила пирог вслед за своим братишкой. И всё было в рыбной жиже — весь стол, все стены, весь потолок. И я смеялась, и мой братишка стал смеяться. А отец только смотрел на меня в упор. Тогда-то он и решил отвести меня к бабке. Тогда-то я и чувствоопредила в первый раз.

МУЖЧИНА-ГУСЬ. Всё на самом деле просто. Гуси прилетят, когда настанет время. Может, их можно как-нибудь привлечь. Может, можно организовать ситуацию, как бы предполагающую возможное похищение ребёночка. Но точно сказать не могу.

В помещение бассейна входит отец, рядом с ним другая женщина с младенцем на руках. Они приветливо машут Яне, идут к трибунам.

ЯНА. Нет-нет-нет... Гусь прилетел не за мной!

ДЕВОЧКА-АКУЛА. И не за мной! Или за мной тоже бы мог, как считаете? До какого возраста технически-не-ребёнок считается ребёнком для гуся?

МУЖЧИНА-ГУСЬ (*оценивает девочку-акулу*). Всё очень индивидуально... Но на мой глаз, нет. Вы никакие не ребёнки. Ни капли. Ни пёрышка. М-да-м. Это совершенно точное заключение.

ЯНА. Но он ребёнок! Мой... брат!

Темнеет. Стая гусей врывается в помещение бассейна и принимается кружить на водой, и вода идёт волнами. Гуси выстраиваются клином, пикируют вниз и выхватывают младенца из рук другой женщины. А потом ныряют в воду.

ЯНА. Неужели она узнала? Неужели услышала, что я подумала? Пусть он, а не я. Пусть я, а не он...

Из воды выныривает бабка Эряна, держа в руках большой карасевый жележный пирог, и внутри угадываются очертания младенца, затянутого жележным месивом, словно воском, он не моргает и не дышит.

Бабка Эряна со вздохом откусывает целую половину рыбного пирога и заньривает на дно, с её тонких сероватых волос опадают водоросли — в воде волосы блестят, как шерсть дикого зверя, они заполняют всю чашу ванной, словно сорняк. Яна ныряет за ней.

Девочка-акулы хочет нырнуть вслед за ней, но мужчина-гусь её удерживает.

ДЕВОЧКА-АКУЛА. Мы восьмыми выступаем! Мы же не успеем!

МУЖЧИНА-ГУСЬ. Нельзя не успеть туда, куда не придётся идти.

Яна плывёт за бабкой Эряной и бассейн снова разрастается до размеров бесконечности. Яна плывёт по центру и нигде не мелькает её отражение.

ЯНА. Не придётся. Знаю, что не придётся. Мне придётся остаться здесь. Я прекрасно это знала, пока скользила ко дну по скалам-валунам и один валун медленно открыл глаза. Это не просто валун, это громадное окаменелое существо.

На Яну из глаза валуна надвигается водоворот из тонких красных гусиных лапок. И Яну затягивает туда — под липкую желатиновую сетчатку. Внутри темно, здесь тоже вода, но она густая, вязкая и чёрная.

ЯНА. И здесь оно живое. Его голова больше сотни линкоров, сложенных друг на друга, она напоминает то ли бегемота, то ли кита, но при этом она птичья. Я знала, что оно сможет полететь, если захочет. И оно полетело.

Вытянутый клюв подхватывает Яну и несёт на поверхность, а потом заныривает вместе с ней. И Яна видит на дне бабка Эряну — она сервирует стол на двоих. На столе рыбный пирог с младенечной начинкой.

Яна и бабка Эряна садятся за стол по разные его стороны. Их волосы струятся, словно глубоководные водоросли, сцепляются между собой, поднимают и Яну, и бабку Эряну со стульев.

ЯНА. Это ты? Ты моя...бабушка?

БАБКА ЭРЯНА. Здравствуй, рыбонька. Здравствуй, моя хорошая. Очень жаль, что мы можем встретиться только теперь...

ЯНА. Где он?

БАБКА ЭРЯНА. Досадно, что пришлось учинить так много хлопот, чтобы повидаться с тобой. Подойди поближе. Дай-ка тебя рассмотреть.

Бабка Эряна тянет к ней свои руки, и Яна идёт к ней навстречу.

БАБКА ЭРЯНА. Совсем большая. Скоро всё начнётся.

ЯНА. Что начнётся?

БАБКА ЭРЯНА. Мне бы рассказать тебе заранее, подготовить хорошенько. Вот только нашей сестре никто не пойдёт навстречу. И теперь тебе нести хребет твоей матери на своей спине, как и ей бы пришлось нести мой. Только не могла я передать ни ей, ни потом тебе — малышке. Пришлось ждать. Долго ждать. Мне уже давно пора, и держит меня здесь только моё обязательство.

ЯНА. Я спрашиваю. Где он? Где мой... брат?

БАБКА ЭРЯНА. Дома, где ещё ему быть? Уж не может же он взаправду оказаться в пироге.

ЯНА (*говорит, и её голос звучит из тела бабки Эряны*). Тогда зачем я здесь?

БАБКА ЭРЯНА (говорит, и её голос звучит из тела Яны). Тебе больше негде быть. Из реки не вымыть берега. Настала пора узнать, кто ты такая. И кем ты станешь.

Бабка Эряна протягивает Яне один лишь волос из своей копны. Сама берётся за другой конец волоса.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (голос двоится, словно его разносит эхо). Никакая девочка не знает, что она девочка, когда рождается. А я знала, что я никакая не девочка в тот самый день, когда родилась. И знала задолго до, когда женщина, которая очень уж желала стать моей матерью, решила взять в мужья мужчину, который станет моим отцом.

Стелется быстроводная река. На самой кромке воды стайка белоснежных гусей. Они ныряют глубоко — так, что торчат только маленькие головки — и смотрят на маленькую ветхую хижину, перегакиваясь между собой. Обсуждая.

Молоденькая МАТЬ ЭРЯНЫ развешивает бельё на улице. Платье-сорочка закрывает ей пятки, широкие рукава трепещут, набираясь ветра, раздуваются как паруса. То и дело мать Эряны оглядывается — ей хочется урвать взгляд высокого и остролобого ОТЦА ЭРЯНЫ, который носится вокруг вековой берёзы с деревенскими детишками, играет. Накидывает на плечи расписной ковёр, который отбивал на земле, одну руку закидывает себе за спину, как бы изображая большой гребень над головой гибкой длинной лозой, и бежит за детьми, притворяясь чудовищем. Дети врассыпную бросаются в разные стороны.

Отец Эряны останавливается, уставший, и замечает мать Эряны; сразу машет ей рукой, она отворачивается в смущении, пытается сделать вид, что совсем не смотрела в его сторону.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (голос двоится, словно его разносит эхо). Мать матери моей матери — далёкая вода. Но она была не той, кем стали мы, она дала нам начало. Ей сказала её мать, что с мужчиной проще всего тогда, когда он знает, что ты способна на чудо. Ладком-рядком подари ему чудо и вовек он будет тебе благодарен. Так оно и есть, так оно и есть...

Праздник. Мать Эряны среди толпы людей, она глядит, как горит громадное чучело, сделанное из рыбных сетей и сухих водорослей; у чучела длинные камышовые волосы, они топорчатся вверх на манер гребня. Чучело в женском платье, фигуристое, широкобёдрое.

Оно горит быстро, воспламеняется с подола до кос и выгорает дотла. Мать Эряны смотрит на него, не моргая, когда её подхватывает на руки тот самый мужчина, которым она любовалась. Он кружит её, кружит, кружит, и мать Эряны закрывает глаза. Перед ней пляшут языки огня, её тощие руки безжизненно опадают как спички.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (голос двоится, словно его разносит эхо). Но она не могла подарить дитя, сколько ни старалась. Все её плоды уходили в землю. Зарастали сорняком. Увлажнялись слезами. У того, кого она взяла в свои мужья, меж бровей залегли рытвины морщин — три штуки, три отметины горя.

Мать Эряны лежит в постели, болезненно бледная. Рядом с ней суется полногрудые румяные женщины.

Отец Эряны опускается перед постелью на колени, но он не смотрит на жену — он смотрит только в окно, где видно, как волнуется вода в реке, как ветер собирает могучие волны и выбрасывает их на берег, чтобы обмыть три маленьких чёрных холмика земли, один совсем свежий. Холмики так малы, что внутри бы поместились только младенцы. Отец Эряны достаёт из-под рубашки деревянный крестик и крепко сжимает его в своей ладони.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (голос двоится, словно его разносит эхо). И тогда деревенская повитуха решила помочь несчастной. Она подошла к её постели и шепнула крепко спящей метвородящей, что Господь всемогущ, но он мужчина. Дитя выходит из воды, проси только

воду о живом дитя. Она шепнула, что не нужно бояться Ведяву, нужно просить её смиренно и благодатно принять её дар.

Стадо буйволов тоскливо мычит — скукоженный старый пастух гонит его через холмы к реке. Стало представляет собой скопище взрослых буйволов и буйволиц, все они огромного размера.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (*голос двоится, словно его разносит эхо*). Страшно было человеческой женщине, Ведяву в селе страшно боялись и мужчины, и женщины. Шла молва, что изничтожает она скот и ворует младенцев.

ПАСТУХ (*себе под нос*). Ничего-ничего, родные. Ещё поживём. Сколько нечисти пережили, и эту переживём.

Буйволы осторожно спускаются к реке, где молодые мужчины забивают последние гвозди в длинные деревянные кормушки. Женщины высыпают внутрь ячмень, буйволы едят его. И их гонят к самой воде.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (*голос двоится, словно его разносит эхо*). С нечистью Ведявой боролись крепко. Кормили скот ячменём — да только не тем, которым скот обычно кормится. Этот был ячмень цветом, как вызревший шиповник, как густая венозная кровь — отравленный. И скот кормился, и спускался к воде напиться, и тревожная густая мгла застилала село.

Мужчины с громким залихватским гоготом уводят судно в воду — оно выскользывает в речную гладь легко и плавно, как тоненький лепесток. Мужчины толпятся с двух бортов, выстраиваются в две линии и готовят копьё — они собираются охотиться.

За судном с середины водоема следит вереница гусей. Они держатся на самой кромке воды осторожно, готовясь в любой момент сорваться в небо.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (*голос двоится, словно его разносит эхо*). И как только скот склонялся над водой, чтобы напиться, из реки с разъярённым криком выбрасывались блестящие тени, стремительные и юркие, изгибами широких бёдер напоминающие женщин. Они бросались на скот, разрывают плоть зубами и тащили за собой в воду. Сильные, могучие и длинные — их волосы блестели в свете луны, как шкуры медведиц.

Мужчины начинают метать копьё. Свист ветра замирает долгим пронзительным эхо, неведомая сила разворачивает копьё на подлёте к берегу и отправляет обратно. Теперь они летят гораздо быстрее — наливаются свинцовой тяжестью и невиданной мощью. Пробивают бока судна, разрывают крепкие мужские тела и те падают в воду, как тряпичные куклы.

Пастух, хромя, бежит вверх по холму. У воды сидит мать Эряны.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (*голос двоится, словно его разносит эхо*). И в такую ночь человеческая женщина склонилась над рекой, опустила в воду лепёшку и яйца, приговаривая: «Дай плода моему роду, как даёшь плоды моей земле, дай плода моему роду, как даёшь плоды моей земле, дай плода моему роду, как даёшь плоды моей земле».

Из воды показывается россыпь длинных волос. И вырастает корабль позади матери Эряны.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (*голос двоится, словно его разносит эхо*). И речная нечисть Ведява решила помочь, она нашла мужчину человеческой женщины на судне — он пытался залатать днище. Пот струился по его щекам. И он не заметил, как совсем рядом в воде сверкнула гладкая блестящая кожа, не заметил, как нечисть подплыла к самым его ногам и встала во весь свой рост на две женские ноги, и её волосы, стоящие гребнем в воде, упали до самого до самого пола, скрывая её тело и лицо.

ВЕДЯВА. Не бойся. Я прихожу только на зов, я не прихожу без приглашения

Нечисть подходит ближе к отцу Эряны.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (*голос двоится, словно его разносит эхо*). Он молчал, его руки безвольно опали вдоль тела.

ВЕДЯВА. Я дам плода твоему рода, как даю плоды твоей земле. А ты дашь рода моему плоду, как даёшь хлеба моей воде.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (*голос двоится, словно его разносит эхо*). И понесла человеческая женщина вновь, хотя говорили ей, будто бы не видать ей своего дитя, будто бы чрево её пустое.

Ночь, река рвётся и мечется в своих водах, женщины обступили огромную вековую берёзу, под которой теперь нет ни одного ребёнка, теперь здесь мечется и кричит мать Эряны, весь подол её платья багрово-красный.

Старуха, сидящая у её ног, берёт на руки младенца. Тишина опускается на деревню, младенец не кричит.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (*голос двоится, словно его разносит эхо*). Но не дышал и этот младенец. И снова пошла человеческая женщина к реке, и стала просить речную нечисть дать ей то, о чём она молила. И опустила белоснежный кулёк в воду, и держала долго, так долго, как ни один взрослый не сможет задержать дыхание.

Младенец опадает на дно реки.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (*голос двоится, словно его разносит эхо*). Внутри реки было спокойно и тихо, младенец ушёл на дно умиротворённо, не дыша и не сопротивляясь, его глаза были закрыты в блаженной детской дреме. Руки, отпустившие его, остались неподвижно висеть в воде. В свете луны волны казались чёрными или багрово-красными. В последнюю очередь руки отпустили пуповину, и она потянулась на дно тощим бледным червём.

Младенца подхватывают водоросли-руки, баюкают, качают.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (*голос двоится, словно его разносит эхо*). Опустившись на самое дно, младенец открыл глаза. Белая пелёнка, в которую он был укутан, раскрылась, нити пузырчатых водорослей, похожие на густые пряди волос, окутали маленькие ножки и ручки, крепко скрутились вокруг пуповины и оторвали её. Родилась девочка. И живот её туго стянулся, и по обе стороны от пупка раскрылись маленькие щёлки, подвижные и живые, словно глаза. И тогда младеница пронзительно закричала.

Младенческий крик. Три коротких вопля раздаются протяжно и громко — один за другим.

Отец Эряны закрывает уши. Он в доме, перед ним накрытый стол. Огонь не горит. Когда он дышит, из его рта выходит пар — в хижине холодно, очень-очень холодно.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (*голос двоится, словно его разносит эхо*). Отец знал, что сотворила мать его дитя. И принялся готовиться. Накрыл на стол. Поставил качан с супом — грязным варевом цвета речной воды, внутри плавали маленькие рыбёшки, корешки, моллюски и икринки. И сел он за стол, накрытый на двоих, и ждал. Никого. Он не двигался. И рядом качалась пустая колыбель.

Кухня хижины освещается только лунным светом, рядом с отцом Эряны качается пустая колыбель. Отец Эряны встает, идёт к двери и открывает её — на пороге мать Эряны с

младеницей на руках. Она испугана и потеряна, оглядывает хижину так, словно никогда не была внутри.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (голос двоится, словно его разносит эхо). Наконец он встаёт, словно понимает — его ожидание окончено, идёт к двери и распаивает её, не мешкая, словно боится не открыть её, если упустит хотя бы одно мгновение. Но на пороге не его жена, он прекрасно это знал. Но он впустил её и накормил, как полагается накормить любую мать за то, что она отправилась на белое дно реки, на изнанку мира живых и неживых, чтобы взять оттуда дитя. Пусть даже она и сгнула там, как часто могли сгнуться в родах женщины.

Будто бы сами собой, руки матери Эряны — теперь чешуйчатые и мертвенно-белые — передают мужу ребёнка. И только тогда она падает на пол, обессиленная, её рвёт илом и водой. Муж кладёт ребёнка в колыбель, берёт жену на руки и опускает в подготовленную ванну, пока она поскуливает и мечется в его руках. Только в воде мать Эряны приходит в себя, оглядывается на ребёнка и, убедившись, что он мирно спит, опускается на дно.

Отец Эряны уходит из дома к реке с младеницей на руках.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (голос двоится, словно его разносит эхо). А после того, как она крепко заснула, он пошёл к берегу по следу ила и крови и нашёл спрятанный в кустах ворох нечистых волос. В них уже суетились раки и маленькие мушки. Он поджёг волосы и отвернулся к реке, чтобы не видеть, как они горят, чтобы не слышать, как клокочет яростью и смертью протяжный женский крик в его доме.

Отец отпускает младеницу в воду.

ЯНА/БАБКА ЭРЯНА (голос двоится, словно его разносит эхо). И тогда он вернул младеницу той, кому она принадлежала.

Яна смыкается с бабушкой Эряной.

БАБКА ЭРЯНА. Это была я, и я была чистой природной силой. Я знала, как станут обращаться со мной на суше, и поэтому я там не бывала. Только иногда. Повидаться с отцом. И найти отца для твоей матери.

МОЛОДАЯ бабушка Эряна и постаревший отец Эряны заходят в серый промышленный город, и он встречает их коптием труб и чёрным гудроном. Идёт проливной дождь. Эряна и её отец следуют за красивым молодым мужчиной, Эряна выбирает его сама, отец ни слова ей не говорит, только оглядывается по сторонам, как ворюшка.

Когда мужчина заходит в дом, Эряна останавливается. Достает из своих волос длинный гребень и долго причёсывается. Все выпавшие волосы собирает в ладонь, скупивает в тугую жгут; проверяет, не упало до чего на землю. Передаёт отцу. Отец держит большой жгут волос осторожно, как младенца.

Отец оседает за крыльцо серого дома и наблюдает, как Эряна ныряет в огромную лужу у сточной трубы и пробирается вверх внутри самой трубы, она выходит только на крыше и легко проникает в квартиру на последнем этаже. Внутри виднеется силуэт мужчины, за которым они следили. Отец отворачивается.

БАБКА ЭРЯНА. Мой отец никогда не требовал от меня моей силы, хоть он и знал, что с нечистью можно обойтись просто — вырвать один её волосок, пока она не видит, передать ей потом кончик и заставить её исполнить любую твою волю.

Эряна с большим беременным животом сидит у воды. Отец чистит рыбу и тяжело кашляет. Эряна внимательно следит за ним и ласково тянет к его горлу свои руки, светящиеся лунным холодным светом, но отец качает головой, мол, не надо. Эряна убирает руки.

Эряна передаёт отцу своего ребёнка — девочку, совсем ещё младенцу. Отец лежит, укрытый одеялом мха, он тяжело болен. Рядом гнездятся гуси.

МОЛОДАЯ БАБКА ЭРЯНА. Отец, неужели ты не хочешь посмотреть, как она вырастет! Я могу помочь. Я могу обменять на твою жизнь любую жизнь, только попроси! Попроси, папа, пожалуйста, попроси.

Она протягивает ему прядь волос, чтобы он вырвал волос.

ОТЕЦ ЭРЯНЫ. Нет, рыбонька. Ни один человек не достоин того, чтобы ты брала грех на свою душу.

Рядом с маленьким, поросшим травой и сорняком холмиком на обрыве реки, виднеется новый большой холм чернозёма.

БАБКА ЭРЯНА. Он никогда ни о чём меня не просил. И он знал, что больше всего на свете я хочу быть свободна. Но мне нужно было привести на свет твою мать, чтобы передать ей свою силу. Иначе я бы прожила вечность.

ЯНА. Разве ты не хотела прожить вечность?

БАБКА ЭРЯНА. Хотела. Пока не прожила тридцать человеческих лет.

Эряна и ДОЧЬ ЭРЯНЫ почтительно стоят рядом с могилой, их босые ноги омывает вода, и они входят в реку одним единым шагом, заставляя воду выходить из берегов.

ЯНА. А какой была моя мама?

БАБКА ЭРЯНА. Свободной. Как я её и учила.

Бабка Эряна и её взрослая дочь в городе, прогуливаются по базару. Волосы дочери Эряны распущены, подметают землю. Мать собирает за ней волосы, особенно выпавшие, наконец берёт в руки всю копну.

ЭРЯНА. Следи за своими волосами!

ДОЧЬ ЭРЯНЫ. Слежу!

ЭРЯНА. Не следишь! Если хоть кто из них тебя прознает, и вспомнит, как одной лишь просьбой и с помощью твоего волоса можно решить любую свою проблему, они не устоят, рыбка. Они убьют тебя тут же, прямо здесь, как убивали наших бабок и прабабок.

ДОЧЬ ЭРЯНЫ. Вот только убивали их наши деды и прадеды. Почему их мы не чтим?

Дочь Эряны уходит вперёд, и Эряне приходится бежать за ней, держась за петляющую среди базарных палаток дорожку волос.

ЭРЯНА. Не так важно, кем они были, важно лишь то, что мы были задолго до них. Может, мы их и породили... Главное, что мы можем породить других, а они нет. Мы нужны им, пусть молятся нам, только слушать мы не станем.

Дочь Эряны забирает все свои волосы и отпускает их струиться по ветру, стелиться в стороны реки.

ДОЧЬ ЭРЯНЫ. Не все они такие, мама.

И тогда Эряна замечает, куда она бежала и куда она поглядывала всё время.

Красивый молодой мужчина грузит паром, и дочь Эряны смотрит на него. Он замечает её и приветливо машет в ответ — они знакомы.

Эряна снова хватается волосы дочери с земли и, наматывая на кулак, притягивает дочь к себе.

ЭРЯНА. Все. Если сейчас внутри у тебя что-то шевелится, это лишь жажда. Утоли её, но не смей глупить.

ДОЧЬ ЭРЯНЫ (*хохоча*). Когда же я глупила, мама?

БАБКА ЭРЯНЫ. Но разумеется, она сглупила.

Дочь Эряны уходит в город, а Эряна ждёт на берегу реки. День сменяет ночь, а дочери всё нет.

БАБКА ЭРЯНЫ. Разумеется, она поверила человеческому мужчине, отдала ему волос и велела загадать любое чудо.

ЯНА. Любое?

БАБКА ЭРЯНЫ. Да. И он загадал тебя. И твоя мама не смогла не выполнить его волю, ведь не только колдовство ей велело подчиняться, но и сердце.

Эряна стоит рядом с постелью дочерью, они в родильной палате. Дочь не шевелится. Эряна забирает её с постели и уносит.

ЯНА. Почему она оставила меня?

БАБКА ЭРЯНА. К тому времени у неё совсем не осталось себя. А как она могла остаться рядом с тобой, если уже перестать быть?

Волосы бабки Эряны приносят пирог. Яна забирает его и разглядывает, пытается понять — там ли её брат.

ЯНА. Теперь ты меня заберёшь?

БАБКА ЭРЯНА. Нет.

ЯНА. А что же тогда будет?

БАБКА ЭРЯНА. Будешь ты и будет твой род. И в нём будет она, и в нём буду я.

На глубине реки бабка Эряна баякает Яну всеми своими руками — Яна лежит в воде на спине, расслабляется в этих объятиях. Руки намыливают ей голову, убирают желатиновые капельки с волос, мягко обволакивают её тело и как бы входят в Янин купальник, становятся его частью. Бабка Эряна растворяется в этих линиях, исчезая в нитях-волосах купальника.

Яна выныривает из воды, делая в воздухе ловкий кувырок, и распадается на стайку красных маленьких рыбок. Они заполняют воду, и с высоты кажется, что сама вода окрашивается в красный. Яна тоже становится красной.

В воду входит отец, она ему по колено.

ОТЕЦ. Вот ты где! Сколько раз говорил не купаться в реке! Здесь же грязно.

ЯНА. Ты говорил, что здесь нечисто...

Отец протягивает Яне руку и они вместе уходят из воды на берег реки. К дому.

ОТЕЦ. Послушай. Я не знаю, должна ли ты её видеть. Наверное, я должен был познакомить вас раньше, но теперь... теперь уже ничего не поделаешь. Я виноват перед тобой. Я не должен был тебя прятать. Родня есть родня. Она так и не просила меня за твою маму... Я боялся, что она станет винить и тебя. Я не знаю, готова ли ты.

ЯНА. Я готова.

Они заходят.

В доме многолюдно. Изголовьем к красному уголку стоит гроб. В гробу лежит бабка Эряна.

Яна бесстрашно подходит ближе.

ЯНА. Я даже не знала, что она у меня есть. Бабушка. Баб ушка. Ушка баб. Шукба ба. Знакомые буквы без всякого смысла. Когда я впервые пришла к ней в гости, её уже не было дома. Мне очень хотелось, чтобы она вскочила и оказалась омерзительной старухой, чтоб от неё воняло жжёным салом, чтобы она била меня по рукам за кривой почерк. Но я пришла, а её уже не было. И я знала, что ве-чна-я па-а-а-мять должна повторяться каждым, но мой отец не повторял, и не стала повторять я. Но мне хотелось. Очень сильно хотелось, оно рвалось из меня, как будто бы смех. Когда сильно-сильно смеёшься, хочется писать. Вот и мне захотелось. Я держала, держала, держала, но трусы всё равно намокли. И мне стало страшно, вдруг все подумают, что я от страха.

По Яниным ногам, по полу позади неё течёт кровь. Яна незаметно от всех остальных трогает себя сзади и её руки становятся красными.

ЯНА. Сначала я решила, что она меня заберёт. Что вот она — смерть. Только потом я узнала, что это — жизнь. Вот что она мне отдала. Бабушка. Не моя мать. Не моя дочь. Не я. Моя бабушка.